

ОСТРОЖСКАЯ СТАРИНА.

I.

«То старина, то и дѣянье».

Старинный Рускій припѣвъ.

Давно уже пресѣкъся знаменитый родъ Князей Острожскихъ, потомковъ Данила Галицкаго; а о быломъ могуществѣ Острога, ихъ древняго стольнаго города, теперь напоминаютъ однѣ только величественныя развалины нѣкогда великолѣпныхъ Божіихъ храмовъ и немногіе остатки каменныхъ стѣнъ и башень.

Гордясъ по-праву древностію своего царственнаго происхожденія, Князья Острожскіе, хотя и признали, наряду съ прочими потомками Князей Волынскихъ, верховное господство Гедимина и его преемниковъ; но долго еще сохраняли право полновластнаго обладанія своими наследственными землями. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока политика Гедиминовыхъ потомковъ, возсѣвшихъ на престолѣ Пястовъ, не успѣла преобразовать древніе роды

удѣльныхъ Князей Западной Руси въ аристократію, которая въ теченіе времени усвоила себѣ духъ аристократіи Польской. Но и тогда Князья Острожскіе стояли въ челѣ всѣхъ другихъ благородныхъ фамилій Государства Литовскаго, и народъ Западнорускій смотрѣлъ на нихъ, какъ на начальниковъ въ Православіи и на твердую защиту отъ враговъ Христіанства.

Въ самомъ дѣлѣ, Князья Острожскіе были оплотомъ Волини и Подолья отъ хищныхъ Крымцевъ, и своимъ примѣрнымъ благочестіемъ усиливали въ соотечественникахъ любовь къ древней предковской вѣрѣ. Короли Польскіе, со времени Владислава-Ягайла, который первый изъ Литовскихъ Великихъ Князей былъ ревностнымъ послѣдователемъ Римской Церкви, постигали силу вліянія Острожскихъ Князей на всѣ сословія Волинской земли, и старались знаками отличій и почестей увеличить въ нихъ вѣрность къ своему престолу. Но истинная любовь къ отечеству и благу согражданъ во владѣтеляхъ Острога была сильнѣе внушеній честолюбія; и долго оставались они вѣрными стражами Руской народности, которую въ Западнорускихъ земляхъ подкапывали совокупныя усилія Католическаго духовенства и магнатовъ Польши.

Извѣстія, переданныя намъ Польскими и Литовскими писателями о Князьяхъ Острож-

скихъ, — которыхъ они единогласно именуютъ потомками Князей Галицкихъ, — до начала 15-го вѣка слишкомъ неудовлетворительны. Хотя хроники и упоминаютъ о Даніилѣ, который долго оспаривалъ верховное господство Казиміра Великаго; однако болѣе полныя, достовѣрныя свѣдѣнія объ Острожскихъ Князяхъ начинаются собственно съ Князя Θεодора ¹. —

Въ началѣ 15-го вѣка Великое Княжество Литовское находилось въ упорной борьбѣ съ Польшею. Витовтъ, двоюродный братъ Польскаго Короля Владислава - Ягайла, бывшій тогда Великимъ Княземъ Литовскимъ, старался утвердить самостоятельность своего Государства. Опасаясь, что Митрополиты *вселя Руси*, жившіе со времянь св. Петра постоянно въ Москвѣ, могли своимъ вліяніемъ питать между Литовско-русскими и Московскими землями духъ братства, опасный для Литовскаго правленія, Витовтъ спѣшилъ установить для своихъ земель отдѣльную отъ Москвы Митрополию. Но еще болѣе старался онъ прервать всякую политическую связь Литовскаго Княжества съ Короною Польскою. Поддерживаемый Цесаремъ Сигизмундомъ, Витовтъ хотѣлъ довершить разрывъ Литовскаго Княжества съ Польшею — торжественнымъ своимъ коронованіемъ и принятіемъ ко-

ролевскаго титула; но смерть помѣшала ему достигнуть цѣли.

Мѣсто Витовта занялъ Свидригайло, родной братъ Ягайла, вручившаго ему управленіе Литовскимъ Государствомъ. Свидригайло дѣйствовалъ въ духѣ своего предшественника, враждовалъ Королю Ягайлу; и въ этой борьбѣ его съ Польшею особенно прославился Князь Феодоръ Васильевичъ Острожскій.

Усиливъ свои дружины наемными Волохами и Татарами, Феодоръ мужественно дѣйствовалъ противъ Жигимонта Кейстуовича, котораго Польша противопоставила Свидригайлу. Въ 1432 году онъ овладѣлъ замкомъ Смотричемъ въ Подольи и подчинилъ Свидригайловой власти Луцкъ, главный изъ городовъ Волынскихъ, укрѣпленный двумя каменными замками и значительнымъ гарнизономъ Польскимъ. Вслѣдъ за тѣмъ поразилъ онъ на голову и взялъ въ плѣнъ Буцацкаго, Старосту Каменецкой крѣпости, и опустошилъ окрестности Бреста-Литовскаго ².

Василій, сынъ и наслѣдникъ Феодора, умершаго и погребеннаго въ Кіевѣ, не былъ такъ счастливъ въ войнѣ, какъ отецъ; но подобно ему былъ сподвижникомъ Свидригайла въ борьбѣ съ Польшею, и не менѣе отца былъ преданъ благу родной земли.

Когда смерть умирала Ягайла и Жигмонта, которые, болѣе въ угоду Польскимъ магнатамъ, оспаривали самостоятельность Литовскаго Государства; когда не стало и суроваго Свидригайла: тогда Польша, послѣ Владислава Ш-го, спѣшила обезпечить себя избраніемъ на свой престолъ Великаго Князя Литовскаго Казимира. Тщетно Василиій Острожскій отговаривалъ Казимира отъ принятія Польской короны, видѣвъ уже невыгоду отъ того для Западной Руси. Литовскій Князь согласился быть Королемъ Польскимъ. Тогда Василиій Острожскій, вмѣстѣ съ другими знатнѣйшими Литовскими сановниками требовалъ, чтобы Польша обязалась считать Литовское Государство не подвластнымъ, а равнымъ себѣ, и чтобы она возвратила Лопатинъ, Бельзь, Подолье и другія мѣста, ею захваченныя у Великаго Княжества Литовскаго ³.

Въ то-же время, укрѣпивъ стѣнами и башнями города свои— Острогъ, Заславль и Дубно, Василиій неутомимо отражалъ Крымцевъ, часто набѣгавшихъ на Волынскія земли. Онъ скончался около половины 15-го вѣка и погребенъ былъ въ Острогѣ, въ основанномъ имъ храмѣ Богоявленія, —откуда, какъ говоритъ преданіе, знаменитый внукъ его Константинъ перенесъ его остатки въ Кіевскую Печерскую обитель ⁴.

По смерти Василия, обширное Острожское

Княжество раздѣлилось между его сыновьями. Младшимъ изъ нихъ, Юріемъ, началась линія Князей Заславльскихъ или Жеславскихъ; а старшимъ, Иваномъ, продолжился родъ Князей собственно Острожскихъ.—

Иванъ Васильевичъ Острожскій, съ столярнымъ городомъ предковъ наследовалъ мужество своего дѣда и безпредѣльное благочестіе отца. Первое выказалъ онъ блистательными побѣдами надъ Крымцами у Теребовля, на берегахъ Случа и въ походахъ Короля Казимира подъ Литовскими знаменами; послѣднее обнаружилъ строеніемъ и украшеніемъ Божіихъ храмовъ. Церковь св. Троицы, воздвигнутая имъ въ Межиричи, великолѣпіемъ равнялась Острожскому храму Богоявленія, созданному его отцемъ ⁶.

Отъ брака съ Княжною Глинскою (по мнѣнію нѣкоторыхъ сестрою Литовскаго выходца Михаила), Иванъ Острожскій имѣлъ двухъ сыновей, Константина и Михаила. Послѣдній умеръ въ молодыхъ лѣтахъ; а Константинъ былъ долго украшеніемъ своего рода. Съ 1498 года вступилъ онъ въ права Гетмана Литовскаго ⁶.

Еще со временъ Ольгерда Великіе Князья Литовскіе враждовали Московскимъ Государямъ и, стремясь удержать за собою Западнорускія земли, противоборствовали развитію единовластія въ господствѣ рода Іоанна Московскаго. Уже одно

названіе Великаго Князя *всѣя Руси*, усвоенное Іоанномъ Калитою и его преемниками, заставляло Государей Литовскихъ опасаться за Рускія земли, вошедшія въ составъ ихъ державы. Потому борьба между потомками Калиты и Великими Князьями Литовскими была неизбежна, и должна была со временемъ вызвать вражду и между землями, имъ подвластными. Эта вражда продолжалась, и еще съ большею силою, когда Польша начала избирать себѣ Королей въ потомствѣ Гедимина. Въ одинъ изъ походовъ, который болѣе прочихъ, со славою для Государя Московскаго Іоанна Великаго, ознаменовалъ его борьбу съ Королемъ Александромъ, — Князь Константинъ Ивановичъ, послѣ пораженія Литовскихъ полковъ на берегахъ Ведроши (1500 г.), отведенъ былъ плѣнникомъ въ Москву, и тамъ послѣ долгаго заключенія принужденъ былъ присягнуть на подданство Іоанну. Однако, при новомъ Царѣ Василіѣ Ш-мъ, онъ ушелъ въ Литву, и опять участвовалъ въ Польской войнѣ противъ Москвы — подъ Оршею, Опочкою, Псковомъ и Смоленскомъ. Но имя счастливаго и доблестнаго вождя Константинъ стяжалъ себѣ походами на Крымскихъ хищниковъ, противъ которыхъ испыталъ только одинъ разъ неудачу, въ битвѣ подъ Соколемъ; во всѣхъ-же другихъ сраженіяхъ съ Татарами онъ торжествовалъ постоянно ⁷.

Не входя въ подробности военнаго поприща Гетмана Константина, мы замѣтимъ только, что современные писатели оставили преданіе о 33-хъ, а иные даже о 63-хъ его побѣдахъ. Жигимонтъ I дважды удостоилъ его торжественнаго въѣзда въ Вильну и Краковъ, и почтилъ его званіемъ Кастеляна Виленскаго, не смотря на зависть и ропоть Польскихъ магнатовъ, которые съ неудовольствіемъ видѣли расположенность Короля къ *схизматику*, какъ они называли Константина Острожскаго *.

Но если Константинъ, мужествомъ и знаніемъ ратнаго дѣла, стяжалъ себѣ отъ современниковъ имя Рускаго Сципіона и Литовскаго Аннибала; то еще болѣе прославился онъ своимъ примѣрнымъ благочестіемъ. Князь Курбскій именуетъ его «свѣтлымъ въ правовѣрныхъ догматахъ и во всякомъ благочестіи сіяющимъ»; а Папскій легатъ Пизонъ, въ посланіи къ Римскому Первосвященнику, говоритъ, что «Князь Константинъ Острожскій такъ приверженъ къ Греческой Церкви и до того соблюдаетъ ея постановленія, что и на волосъ отъ нихъ не отступаетъ; что будучи дома благочестивымъ Нумою, онъ въ бою воинственнѣе Ромула, и что при всѣхъ рѣдкихъ качествахъ въ немъ одинъ только тотъ недостатокъ, что онъ *схизматикъ*. Если бы мнѣ (продолжаетъ Пизонъ)

удалось сего Князя привести на лоно святой матери—Церкви, то примѣръ его увлекъ бы множество народа: такъ велико его вліяніе на соотечественниковъ!»⁹ Но покушенія усерднаго легата остались безъ успѣха.

Между тѣмъ Константинъ, основавъ (около 1519 г.) храмъ св. Троицы и Николаевскую церковь въ Вильнѣ, и потомъ катедральную Митрополичью церковь въ Новоградкѣ-Литовскомъ, построилъ много церквей и монастырей въ земляхъ своего наслѣдственнаго Княжества, гдѣ имъ заведены были и училища для образованія юношества. Но особенно заботился онъ о Кіевскомъ Печерскомъ храмѣ Пресвятой Богородицы, въ которомъ предалъ погребенію остатки своего отца, и былъ погребенъ самъ 1533 г.¹⁰ Вотъ что говоритъ Езуптъ Нѣсецкій о Гетманѣ Константинѣ, въ своей *Коронѣ Польской*: «онъ былъ ростомъ малъ, но душою великъ; для всѣхъ доступенъ; щедръ къ сподвижникамъ; милосердъ къ плѣнникамъ и опытиѣе всѣхъ въ ремеслѣ военномъ».

По смерти сего знаменитаго Гетмана, сыновья его, Илія и Константинъ-Василій, раздѣлили между собою Княжество Острожское. Илія Константиновичъ подавалъ о себѣ большія надежды; но только шестью годами пережилъ своего отца.

Дочь сего Князя, Елисавета, извѣстна своимъ бѣдствіями.

Константинъ — Василій, пожалованный отъ Короля званіемъ Маршалка Волынскаго, Старосты Владимірскаго и (около 1557 года) званіемъ Кіевскаго Воеводы, былъ самымъ твердымъ оплотомъ Волыни, Подолья и Кіевской земли противу Татаръ. Крымцы испытали тяжесть его руки у Сенявы, подъ Заславемъ, Дубно и (въ 1578 году) подъ Острогомъ, гдѣ они окружили его, въ то самое время, какъ онъ веселымъ пиромъ праздновалъ бракъ старшей дочери своей съ Кравчимъ Великаго Княжества Литовскаго Кишкою. ¹¹

Подъ знаменами Короля Баторія Константинъ-Василій воевалъ и противъ Москвы, подъ Соколомъ, Черниговомъ, Стародубомъ и другими городами земли Сѣверской. Но внутренній союзъ Православія и Рускаго рода не прерывался между нимъ и Царемъ Московскимъ: Грозный, враждуя съ Баторіемъ и Воеводою Кіевскимъ, въ то же время благотворилъ Печерской Лаврѣ и переслалъ полный списокъ Ветхаго и Новаго Завета Острожскому Князю, заботившемуся о напечатаніи полной Библии на языкѣ Словенскомъ. ¹²

Хотя Константинъ-Василій, вмѣстѣ съ Волынскимъ Воеводою Княземъ Александромъ Чер-

торійскимъ и другими сановниками Литовскаго Княжества, и подписалъ составленный на Любельскомъ Сеймѣ актъ присоединенія Великаго Княжества къ Польской коронѣ; но введеніе Уніи встрѣтило въ Воеводѣ Кіевскомъ сильнаго и рѣшительнаго противника.

Явясь на Брестскій Соборъ, въ 1596 году, Константинъ—Васплій торжественно защищалъ догматы Православія противъ отступниковъ, Митрополита Рогозы и Епископовъ Поцѣя и Терледакаго, которые, по личнымъ выгодамъ и въ угоду Жигимонту III, замыслили соединиться съ Римскою Церковью. Голосъ благочестиваго Князя изъ племени св. Владиміра былъ опасенъ для Рогозы и его сообщниковъ; не менѣе опасенъ онъ былъ и для расчетовъ Жигимонта, ревностно обращавшаго всѣхъ въ Католичество; потому Король приказалъ Князю Острожскому выѣхать изъ Бреста ¹³. Воевода Кіевскій повиновался; но презрѣніемъ отвѣчалъ на всѣ убѣжденія лукаваго Поцѣя и его соумышленниковъ, и остался непримиримымъ врагомъ Уніи ¹⁴.

Но ревностному поборнику древняго отеческаго Православія суждено было испытать тяжкое горе—не только быть современникомъ мучительной казни, какую претерпѣлъ въ Варшавѣ одноземецъ его храбрый Налвайко съ сподвижниками, ополчившимися за Православіе; но ви-

дѣтъ вовлеченіе въ Унію и роднаго сына своего.

Усматривая въ Князьяхъ Острожскихъ могущественное противодѣйствіе Уніи и сознавая, подобно Легату Пизону, ихъ вліяніе на народъ, Езуиты напрягали всѣ свои силы къ обращенію Князей Острожскихъ; не щадили для того ни тайныхъ козней, ни краснорѣчивыхъ убѣжденій, ни посредства верховной власти. Наконецъ они вполонину достигли своей цѣли, овладѣвъ умомъ и душою одного изъ Князей враждебнаго имъ рода.

Второй сынъ Константина - Василія Янушъ, отправленъ былъ отцемъ своимъ ко двору Нѣмецкаго Императора Максимилиана II, для изученія ратнаго искусства. Тамъ Езуиты опутали его своею сѣтью и расположили его къ Католичеству. Дѣйствуя потомъ изъ-за Короля, осыпавшаго наградами и почестями Януша, и изъ-за молодой жены его, ревностной Католички, они довершили свое торжество: Янушъ сдѣлался Католикомъ и столько же усерднымъ къ своему новому вѣрованію, сколько до того былъ преданъ Православію ¹⁵.

Любимый дотолѣ сынъ Воеводы Кіевскаго, тяжело огорчилъ отца своимъ отступничествомъ. Презирая отпадавшихъ отъ Православія и безпощадно преслѣдуя ихъ въ предѣлахъ своего наследственнаго Княжества, Константинъ-Василій, уже маститый старецъ, послѣ тщетныхъ

убѣжденій, которымъ искусно противодѣйствовали его враги, не пощадилъ и собственнаго сына, и лишилъ его навсегда любви родительской ¹⁶.

Гораздо менѣе успѣха имѣли ученики Лоіолы въ своемъ покушеніи отвлечь отъ Православія старшаго сына Воеводы — Константина. Этотъ Князь увлекся было льстивыми внушеніями Езуитовъ; но вскорѣ прогналъ ихъ отъ себя и сохранилъ въ чистотѣ Вѣру своихъ предковъ. Огорченные Езуиты прозвали его *своевольнымъ* Католикомъ, передавъ потомству любопытную легенду о мнимомъ его обращеніи ¹⁷.

Третій, младшій сынъ Константина — Василія, Александръ, былъ отрадою отца. Онъ не внималъ ни безотвязнымъ просьбамъ своей жены, дочери Сендомірскаго Воеводы Костки, ни убѣжденіямъ ксендзовъ: вмѣстѣ съ отцомъ борствовалъ онъ насильственной пропагандѣ, и умеръ ревностнымъ сыномъ Православной Церкви. Онъ погребенъ былъ (1603 года) въ Острогѣ, въ Запковомъ храмѣ Богоявленія, которому онъ благотворилъ постоянно ¹⁸. —

Говоря о Константиноѣ - Василіѣ Острожскомъ, нельзя не вспомнить, что при немъ явился въ Кіевѣ Лже-Димитрій, и жилъ сперва въ Печерскомъ монастырѣ, потомъ въ Никольскомъ, а отсюда перешелъ въ Дерманскій, который находит-

ся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Острога и уже въ началѣ 16-го вѣка составлялъ богатую Архимандрію, также какъ и монастыри Дубенскій, Дорогобужскій и Святокрестовскій, вмѣстѣ съ нимъ возникшіе отъ щедрого благочестія Князей Острожскихъ. Есть преданіе, что Самозванецъ жилъ и въ Острогѣ; но мы знаемъ, что Кіевскій Воевода не принималъ участія въ судьбѣ прошлеца, вдвинутаго въ наше отечество кознями Езуитовъ и содѣйствіемъ Короля и магнатовъ Польскихъ.

Сыновья Константина - Василія, подобно отцу и предкамъ своимъ, занимали высшія государственныя должности въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и въ самой Польшѣ, и славились воинскими доблестями. — Константинъ былъ Кравчимъ Великаго Княжества и Старостою Владимірскимъ; Янушъ Краковскимъ Кастиеляномъ; Александръ Вольнскимъ Воеводою и Старостою Переяславскимъ. Константинъ и Александръ умерли прежде отца, который жилъ до 1606 года. Янушъ пережилъ отца, братьевъ, племянниковъ и, какъ послѣдній представитель мужеской линіи, заключилъ собою древній родъ Князей собственно-Острожскихъ.

Отступничество Януша отъ Православной Церкви, какъ расчитали хитрые Езуиты, сильно подѣйствовало, по смерти доблестнаго его отца,

въ пользу Католичества. Нѣкоторые обыватели земли Вольнской еще прежде приступили къ Уніи, по внушенію оскорбляемаго и соблазняемаго честолюбія, которое тогда въ древнемъ Православіи встрѣчало сильную преграду къ достиженію высшихъ степеней государственныхъ достоинствъ. Но такъ какъ на Князей Острожскихъ, по словамъ самаго Константина-Василія, современники смотрѣли какъ на *Начальниковъ* въ Православіи, то переходъ Януша имѣлъ уже рѣшительное вліяніе на многія дворянскія фамиліи Вольни, и увлекъ ихъ къ обращенію въ Унію и прямо въ Католичество;—ибо только Унія и Католичество, въ Рускихъ земляхъ, подвластныхъ Жигимонту Ш-му, могли доставлять Рускимъ дворянамъ спокойное пользованіе гражданскими правами и открывать свободное поприще ихъ честолюбію ¹⁹.

Дѣйствуя въ духѣ своего новаго вѣрованія, Янушъ началъ, по смерти отца, ставить костелы на земляхъ Острожскихъ и изгонять Рускихъ священниковъ изъ церквей, созданныхъ его предками. Такъ въ 1610 году отнялъ онъ у Православныхъ церковь св. Троицы, основанную его прадедомъ въ Межиричи, и пристроивши къ ней кляшторъ, отдалъ ксендзамъ Францискаускаго Ордена; выстроилъ въ Константиновѣ костель для Доминикановъ, и назначилъ ксендзамъ Ман-

сіонаріямъ въ Тарновѣ 500 злотыхъ ежегоднаго дохода. Однимъ словомъ, Янушъ дѣйствовалъ въ духѣ нетерпимости въ отношеніи къ Вѣрѣ предковъ, и щедро благотворилъ послѣдователямъ Церкви, которой недавно онъ сдѣлался членомъ²⁰.

Не имѣя прямыхъ нисходящихъ наслѣдниковъ мужеской линіи, Янушъ желалъ передать обширныя свои помѣстья одному изъ племянниковъ, сыновей Александра, — но не иначе, какъ подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы избираемый имъ наслѣдникъ былъ Католическаго исповѣданія.

Съ такою цѣлію обратилъ онъ въ 1609 году, съ согласія Сейма, часть наслѣдственныхъ земель Острожскихъ въ маіоратъ или — какъ выражались современники — въ ординацію, съ которой владѣлецъ долженъ былъ въ военное время содержать 300 пѣшихъ и столько-же конныхъ ратниковъ для услугъ Рѣчи Посполитой, и предложилъ наслѣдіе Острожскаго маіората племяннику своему Константину. Но когда сей Князь не захотѣлъ въ угоду дяди — Католика измѣнить Православію, тогда Янушъ объявилъ своимъ наслѣдникомъ младшаго его брата, Ивана или Януша; но и тотъ не согласился на условіе, предложенное ему учредителемъ маіората.

Негодую на непреклонныхъ племянниковъ, Янушъ Константиновичъ торжественно лишилъ

ихъ права наслѣдованія, и установилъ новый судебный актъ, — по которому ординація Острожская должна была перейти къ потомкамъ его дочери Евфросиніи, которая своимъ супружествомъ съ Александромъ Заславльскимъ возсоединила обѣ отрасли своего рода; по прекращеніи-же потомства Евфросиніи маіоратъ долженъ былъ поступить во владѣніе Князей Радзивилловъ, потомковъ Янушевой сестры Катерины. Отъ Радзивилловъ право наслѣдованія Острожской ординація, по волѣ учредителя, переходило наконецъ на одного изъ Мальтійскихъ рыцарей, природнаго Поляка и Католика, выборъ котораго долженъ былъ совершиться большинствомъ голосовъ на Сеймѣ Рѣчи посполитой.

Такъ, вопреки вѣковому обычаю, вопреки Литовскому Статуту и голосу родства, сынъ доблестнаго Константина - Василія, изъ слѣпой привязанности къ Католичеству, передалъ большую часть родовой собственности въ чужія руки ¹⁹. —

Вскорѣ сыновья Александра, Константинъ и Иванъ, умерли; и тогда *дѣдичная*, неорднатская часть Острожскаго Княжества сдѣлалась достояніемъ ихъ сестры Анны - Алоизиц, вдовы знаменитаго Гетмана Ходкевича.

Эта Княжна добрая, но слабодушная, не могла по смерти отца устоять противъ обаянія Езу-

характеръ, воспламененныи идеаломъ святости ея самолюбивое воображеніе, и вскорѣ завладѣли волею Княжны и превратили Анну въ безусловно-покорное орудіе своей воли ²⁰.

Исполняя желаніе Езуитовъ, Анна выстроила для нихъ въ Острогѣ Коллегіумъ, предоставила имъ воспитаніе юношества и расширение Католичества въ земляхъ Острожскихъ. Щедро надѣляя богатыми вкладами костелы, ею устроенныя изъ православныхъ церквей, она и сама заботилась о обращеніи своихъ подданныхъ въ Унію, и для лучшаго достиженія этой цѣли установила, чтобы въ день празднованія *Божьяго Тѣла* (*Boże Ciało*) всѣ крестьяне, даже изъ дальнихъ селъ и деревень, съѣзжались въ Острогъ, гдѣ на разставленныхъ по улицамъ богатоукрашенныхъ алтаряхъ читано имъ было ксендзами Евангеліе на языкѣ Словенскомъ, для нихъ родномъ и понятномъ ²¹. Такъ Езуиты старались обольстить народъ подобіемъ обрядовъ Грековосточной Церкви; но успія ихъ не имѣли особенныхъ успѣховъ. Анна, утѣснявшая своимъ фанатизмомъ православныхъ обывателей Острога, была предметомъ ненависти для подданныхъ; и только Католическое духовенство, въ особенности-же Езуиты, ею облагодѣтельствованные, до небесъ превозносили мнимую святость Княжны Острожской.

Со смертію Анны (въ 1654 году) угасло поколѣніе Князей Острожскихъ; а внукомъ Янушевой дочери Евѳросиніи, Александромъ Владиславичемъ, прекратилась линія Князей Заславльскихъ. Тогда въ право обладанія маіоратомъ и дѣдичною частію Княжества Острожскаго вступили Князья Радзивиль и Любомирскій, — первый по назначенію учредителя маіората; послѣдній, какъ супругъ Теофілы, сестры Александра Владиславича ²².

Осиротѣлый Острогъ переходилъ съ того времени изъ одного княжескаго дома въ другой, отъ Любомирскихъ къ Сангушкамъ и другимъ, пока не сдѣлался, кажется съ половины 18-го вѣка, собственностію Князей Яблоновскихъ. Земля же Острожской ординаціи послѣ многихъ переходовъ объявлены были по Конституціи 1766 года — *земскими*, не смотря на притязанія Мальтійскаго Ордена. Девять лѣтъ еще послѣ того Орденъ спорилъ съ Рѣчью посполитою за маіоратъ Острожскій, и только въ 1775 г. Сагрозозо, уполномоченный Мальты, именемъ Ордена отказался отъ всѣхъ притязаній, съ тѣмъ однако условіемъ отъ Польши, чтобы сеймовымъ декретомъ Короны и Великаго Княжества Литовскаго были учреждены въ Литвѣ и Польшѣ Великое Пріорство и шесть Командорствъ Ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Еммануэль

де Роганъ, Великій Магистръ, подтвердилъ уступку Острожскаго маіората; а Папа Пій VI дозволилъ Великому Пріору и Командорамъ быть женатыми ²³.

Такова была судьба Острога и Княжества Острожскаго съ семидесятихъ годовъ 17-го вѣка. Князья Острожскіе чрезъ посредство Княженъ своего рода вступали въ связи со многими благороднѣйшими домами Литовскими и Польскими; но кромѣ Княжны, бывшей за Радзивиломъ, почти ни одна изъ нихъ не дала новой, долговѣчной отрасли своему роду; какъ будто съ древнимъ Православіемъ въ Острогѣ должно было угаснуть и самое поколѣніе доблестныхъ потомковъ Данила Галицкаго!—

II.

«Было, и быліемъ заросло».

Руская пословица.

При частыхъ переходахъ изъ одного княжескаго дома въ другой, Острогъ неминуемо долженъ былъ испытать невыгоды, сопряженныя съ переменчивостію владѣльцевъ. Дѣйствительно, съ прекращеніемъ племени Князей Острож-

скихъ и стольный городъ ихъ началъ приходить въ упадокъ, съ каждымъ поколѣніемъ теряя многое изъ своего прежняго роскошнаго величія. Тогда обвалились мало по-малу и каменные твердыни, которыми Острогъ былъ опоясанъ при старыхъ Князьяхъ; тогда пришелъ въ упадокъ и заустѣніе краса Острога—великолѣпный храмъ Богоявленскій.—

Въ Маѣ прошлаго года провелъ я въ Острогѣ пріятный день. Сколько позволилъ мнѣ мой досугъ, я осмотрѣлъ тамъ древности и собралъ нѣсколько любопытныхъ преданій о старинѣ Острожской.—

Прежде всего взглянулъ я на остатокъ Острожскаго замка, который находится въ отдѣльной части города. Мрачный, пасмурный видъ этого каменнаго зданія уже убѣдилъ меня достаточно въ его древности. Стоя на крутизнѣ, замокъ, или лучше сказать, уцѣлѣвшій остатокъ замка Князей Острожскихъ поддерживается пристроенными къ нему въ разныя времена контрфорсами, которые съ наружной стороны восходятъ до третьяго яруса. Вообще замокъ устроенъ такъ, что со стороны Богоявленской церкви видны только два яруса, а съ прѣтивной стороны—четыре. Внизу, подъ зданіемъ, тянутся огромные погреба, изъ которыхъ нныя уже засыпаны землею. Тамъ, говоритъ преданіе, то-

мвлясь плѣнники, захваченные на полѣ брани дружиною храбрыхъ воителей Острожскихъ.

Въ замкѣ помѣщается теперь Уѣздный Судъ. Какъ мало тишина, окружающая нынѣ это жилище Князей Острожскихъ, соотвѣтствуетъ прежней шумной, разгульной жизни въ этомъ-же самомъ замкѣ!... Тутъ пировалъ знаменитый Воевода Кіевскій, и веселые *знакомцы* (ассистуионце паніонта) за роскошнымъ столомъ усердствовали другъ передъ другомъ забавною шуточною сорвать улыбку одобренія на устахъ своего радушнаго, снисходительнаго патрона. Тутъ гордый Польскій Воевода за условленную плату исправлялъ должность маршалка при дворѣ Константина - Василія, гдѣ отъ роскошныхъ крохъ его княжеской трапезы шталось болѣе тысячи челядинцевъ, между которыми особенно подвизался Богданъ-Объѣдало ²⁴.

Но замокъ Острожскій былъ приютомъ не одного только веселаго счастья и пріятнаго гостепрѣимства; онъ бывалъ также свидѣтелемъ тайной безотрадной печали и обманутыхъ надеждъ. Я раскажу легенду о злосчастной Елисаветѣ Острожской.—

Елисавета была внука знаменитаго Гетмана, дочь Иліи Константиновича. Живя въ уединеніи, вдали отъ шумныхъ забавъ и удовольствій, она любила мать свою болѣе всего на свѣтѣ.

Но вскорѣ сердце ея разгадало цѣль своего назначенія. Пыкій, отважный Рускій Князь Дмитрій Сангушко увидѣлъ Елисавету, плѣнился ея красотою, вдохнулъ взаимную страсть Княжнѣ Острожской, и искалъ ея руки. Но честолюбивая вдова Илѣи, Бѣата Острожская, отказала Дмитрію. Современники вѣрили, что отклоняя всѣ предложенія о бракѣ, дѣланныя ея дочери, Бѣата хотѣла именемъ Елисаветы полновластно управлять ея наслѣдственными землями. Отважный Сангушко не потерялъ надежды обладать своею возлюбленною; онъ прибѣгъ къ содѣйствію ея дяди, и, введенный Константиномъ-Василіемъ въ Острожскій замокъ, противу воли матерней сочетался бракомъ съ Княжною.

Бѣата недолго дала торжествовать ненавистному ей зятю, и просила Короля о заступленіи. Слабый Жигимонтъ Августъ позвалъ Дмитрія къ суду въ Книшинъ; но Дмитрій не явился, поручивъ оправданіе своего поступка дворянину Одаховскому, который однакоже не устоялъ противъ краснорѣчивыхъ доводовъ Черковскаго, защищавшаго права родительской власти Княгини Бѣаты. Король уничтожилъ бракъ Елисаветы, приказалъ возвратить Бѣатѣ Острогъ, изъ котораго она была изгнана ожесточеннымъ зятемъ, и объявилъ Дмитрія лишеннымъ чести и имуществъ.—

Укрываясь въ Богеміи съ Елисаветою, сопровождавшею его въ мужскомъ платьѣ, Дмитрій тщетно искалъ спокойнаго пріюта для своей любви. Мартынь Зборовскій, Кастелянь Калишскій и опекунь Елисаветы, преслѣдовалъ Дмитрія, и, перекупивъ хозяина гостинницы въ Яромірѣ, лишилъ несчастнаго скитальца жизни. Елисавета была возвращена озлобленной матери.

Ровно черезъ годъ послѣ смерти любимаго супруга, когда еще не зажила рана, нанесенная ей сердцу, Княжна Острожская должна была, повинувась волѣ Короля, отдать свою руку Познанскому Воеводѣ Горкѣ. Жигимонтъ Августъ думалъ этимъ бракомъ устроить счастье Елисаветы; но Елисавета не могла любить дважды, и только черезъ обманъ вышла за немлага ей жениха. Король выманилъ у Княгини Острожской кольцо, и показалъ его Елисаветѣ, въ знакъ согласія ея матери на бракъ съ Горкою. Но Бэата не думала давать своего согласія, и потому, на перекорь Жигимонту, рѣшилась супружескія права Воеводы сдѣлать недѣйствительными. Она увезла дочь свою и отдалась съ нею подъ покровительство Королевской матери Боны, которая благопріятствовала ея намѣренію. Когда же Бона уѣхала въ Италію, Бэата переселилась во Львовъ и заключилась съ Елисаветою въ стѣнахъ дѣвичьяго монасты-

ря. Тамъ, родительскою властію, которой покорялась Елисавета, она отдала руку Княжны Слуцкому Князю Симеону. Но Воевода Познанскій, напавъ въ распlohъ, исторгнулъ вооруженною рукою Елисавету изъ стѣнъ монастырскихъ, и Король присудилъ ее снова своему любимцу. Огорченная Бэата рѣшилась отмстить Воеводѣ, искавшему Елисаветинои руки по однимъ только расчетамъ корысти, и лишила его богатствъ, которыя послѣ нея должны были достаться Елисаветѣ: не смотря на свои преклонныя лѣта Бэата сама вышла за Сѣрадзкаго Воеводу Ласкаго. Недолго жилъ Горка, который обращался съ Елисаветою, не какъ съ супругою, а какъ съ плѣнницею; и несчастная дочь Или Острожскаго, искавшая по смерти постылаго супруга, пріюта у своего дяди въ Острожскомъ замкѣ, пала подъ тяжестію своихъ бѣдствій: она лишилась ума.... ²⁵

Я осмотрѣлъ только наружный видъ древнихъ палатъ Князей Острожскихъ; побывать внутри не удалось. Отъ нихъ перешелъ я къ развалинамъ Божоявленской церкви, которая прежде называлась *Замковымъ* храмомъ.

Лишенная смертію Константина - Василія и его сына Александра, послѣдней опоры своеѣ, эта церковь, въ глазахъ потомковъ своего основателя, присоединившихся къ церкви чуждой,

пришла въ упадокъ; но и въ самомъ разрушеніи своемъ она представляетъ краснорѣчивый памятникъ прежняго величія Острога и свидѣтельствуемъ о благочестіи Князей Острожскихъ.

Греческое зодчество Богоявленской церкви можетъ быть названо величественнымъ. Въ стѣнахъ ея, обращенныхъ къ городу, замѣтны амбразуры, которыя, вѣроятно, должны были защищать храмъ отъ нападенія Крымцевъ. Изъ числа пяти главъ Богоявленской церкви, средняя и двѣ боковыхъ уже обрушились съ своими сводами; обѣ послѣднія клонятся къ паденію. —

При видѣ развалинъ Острожскаго храма, вспоминается многое изъ прежнихъ временъ Острожскихъ, и на мысль приходятъ вдругъ два совершенно розныя человѣка — храбрый Гетманъ Наливайко и самозванный Царь Лже-Димитрій....

Храбрый Гетманъ Наливайко былъ уроженецъ Острожскій, сынъ тамошняго мѣщанина. Старшій братъ его служилъ Соборнымъ Протопопомъ въ Острожскомъ замкѣ. Вотъ что говоритъ объ немъ Езуптъ Янчинскій. «Замковый Протоіерей былъ самый закоснѣлый раскольникъ; передъ смертію своею онъ запретилъ хоронить себя при церкви, представляя тому такую причину: знаю, говорилъ онъ, что въ Острогѣ водворится Латинская вѣра, почему и похороните меня въ полѣ, чтобы и кости мои не сблизились съ Латин-

скою церковью. Но опасенія почтеннаго старца, столь приверженнаго къ Православію, бывшаго ревностнымъ сподвижникомъ Константина-Василія въ подвигахъ Вѣры, были излишни: Богоявленскій храмъ обратился въ развалины; но не былъ превращенъ въ костель ²⁶.

Въ Богоявленскомъ-же храмѣ, говоритъ преданіе, вѣнчался Самозванецъ съ прелестною, честолюбивою панною; здѣсь мнимому сыну Грознаго, бѣглому иноку Чудовской обители, отдала свою руку Марина, дочь гордаго Мнишка, Воеводы Сендомірскаго.

Тщетно искалъ я въ развалинахъ храма надгробіе его основателя, Василія Острожскаго, поставленное около половины 15-го вѣка; еще въ концѣ прошедшаго столѣтія оно было предметомъ любопытства для посѣщавшихъ развалины.

Разставаясь съ храмомъ, я едва могъ разобратъ внизу церковныхъ оконъ полуизгладившуюся Латинскую и Рускую надписи о времени его построенія, — и осмотрѣлъ остатки укрѣпленій замка, которые также много говорятъ о судьбѣ Острога. Теперь только одна башня, современная Богоявленской церкви, споритъ съ разрушительнымъ дѣйствіемъ времени: своды ея уже обрушились; но стѣны, наружныя украшенія и зубцы еще цѣлы.

Спускаясь съ возвышенія, занимаемаго Острожскимъ замкомъ и древними его укрѣпленіями, я съ любопытствомъ взглянулъ на оврагъ, черезъ который нѣкогда пролегалъ красивый деревянный мостъ. По этому мосту въѣзжали въ замокъ Князя, а православные жители Острога ходили въ Божій храмъ на молитву. Я расскажу вамъ преданіе о мостѣ Острожскомъ, и вы изъ него увидите, какъ дорожили Острожцы древнею Вѣрою своихъ предковъ, и какъ ненавистны имъ были отступники.

Вдова Ходкевича, Анна - Алоизія, спѣшила выполнить требованіе Езуитовъ и приказала ночью, на канунъ Пасхи (1636 г.), тайно перенести тѣло своего отца изъ Богоявленской церкви въ устроенный ею Езуитскій кляшторъ. Между тѣмъ Езуиты распустили уже въ народѣ молву, будто Александръ Острожскій передъ смертію желалъ соединенія съ Римскою церковью, и что только упорное сопротивленіе Рускаго духовника не дозволило умирающему выполнить его желаніе. Но Езуитамъ никто не вѣрилъ, и поступокъ Анны взволновалъ жителей Острога, которые видѣли въ томъ новое поруганіе святыни, поруганіе смертныхъ остатковъ своего любимаго Князя.

На разсвѣтъ дня Свѣтлаго Воскресенія, народъ Острожскій, по вѣковому обычаю, толпилъ

ся на мосту у замка, вблизи храма. Тутъ лежали грудями пасхи, тамъ кучи крашенныхъ яицъ, для всерадостнаго привѣта. Всякъ ожидалъ благодатнаго «Христось воскресе»; но тутъ же слышенъ былъ порою и громкій ропоть народа, недовольнаго поступкомъ Княжны. Въ это время Анна возвращалась изъ Езуитскаго костела. Ей надобно было ѣхать черезъ мостъ. Народъ заступилъ Княжнѣ дорогу, и на приказаніе слугъ посторониться съ пасхами, толпа мѣщанъ отвѣчала явною ослушностію. Княжна въ пылу гнѣва приказала возницѣ ударить по лошадямъ и промчатся сквозь буйную толпу, по пасхальнымъ хлѣбамъ; но народъ едва не сбросилъ ее съ моста въ оврагъ, и закидалъ ее крашеными яйцами. Отбившись съ помощью слугъ, Княжна съ трудомъ могла укрыться отъ разъяренной черни, которая вломилась было за нею въ самый замокъ, и только ружейными выстрѣлами слугъ могла быть удержана. Анна принесла жалобу на своихъ подданныхъ, которые ей мстили за притѣсненіе,—и Трибуналь Любельскій осудилъ многихъ Острожскихъ мѣщанъ на мучительную казнь. Когда уже прочтенъ былъ на площади грозный *вырокъ* Трибунала и осужденные ожидали вѣрной смерти, Княжна объявила всѣмъ пощаду. Она была довольна и тѣмъ, что по тому-же Трибунальскому

приговору сорокъ православныхъ священниковъ были изгнаны изъ земель Острожскихъ. Съ этого времени бѣдные жители Острога, лишенные пастырей, должны были поневолѣ разставаться съ древнею Вѣрою своихъ предковъ ²⁷.—

Въ свое цвѣтущее время Острогъ былъ окруженъ каменною стѣною, которую обороняли башни и защищали земляные валы; но отъ этихъ укрѣпленій, приписываемыхъ Князю Василію Феодоровичу, теперь остались только въ разныхъ частяхъ города двѣ уже распадающіяся башни, одинакой постройки съ башнею въ замкѣ.

Осмотрѣвъ и эти остатки Острожской старины, я отправился къ Коллегіуму Езуитовъ или, какъ его теперь называютъ, Поезуитскому зданію, замѣчательному необыкновенною огромностію. По изгнаніи Езуитовъ, въ 1773 году Коллегіумъ былъ отданъ Уніатскимъ монахамъ Базиліанамъ; а въ 1779 году, по волѣ Екатерины Великой, сдѣлался мѣстомъ пребыванія Православнаго Епископа Вольнскаго. Тутъ также помѣщены были тогда Консисторія и Духовная Семінарія.

Острожскій Коллегіумъ, основанный въ 1624 году, еще при жизни своей покровительницы испыталъ тяжкую невзгду: горожане, нетерпѣвшіе Анны и Езуитовъ, обрели Коллегіумъ пла-

мени, и нескоро сошли съ него слѣды опустошеній. Езуитское зданіе много терпѣло отъ огня и въ наши времена. Сильный пожаръ, превратившій въ пепель болѣе половины Острога, въ 1809 году, крѣпко повредилъ стѣны бывшаго Коллегіума; спустя 12 лѣтъ, на немъ вторично сгорѣла крыша и обгорѣла внутренность зданія, которое съ того времени и оставлено. Теперь обрушиваются уже своды втораго этажа. Внизу подъ Коллегіумомъ проходятъ во всю длину зданія погреба и ходы подземные. Церковь при Коллегіумѣ величавой архитектуры; но своды ея уже обрушились и въ стѣнѣ съ правой стороны сдѣлались трещины. Говорятъ, что еще при Князѣ Константиѣ—Василіѣ Езуиты хотѣли втереться въ Острогъ, и неотступно просили въ немъ для себя мѣста; Князь предоставилъ имъ топкое болото; однако и такое позволеніе служило Езуитамъ предлогомъ къ поселенію въ Острогъ.

Въ недалекомъ разстояніи отъ сего Коллегіума лежатъ развалины Конвикта, устроеннаго также Княжною Анною, для образованія юношества подъ руководствомъ Езуитовъ. Послѣ Езуитовъ Конвиктъ сдѣлался достояніемъ Кармелитовъ, получившихъ и древнюю православную церковь, смежную съ Конвиктомъ. Эта церковь, съ согласія Іереміи Почаповскаго, Уніата, по-

сившаго званіе Епископа Луцкаго и Острожскаго ²⁸, также была обращена Анною въ костель и отдана Езуитамъ. Пожаръ 1809 года превратилъ въ развалины и Кармелитскій кляшторъ.

Напрасно искалъ я мѣста того знаменитаго училища, которое основано было въ Острогѣ Константиномъ-Василіемъ,—въ которомъ Максимъ (въ монашествѣ Мелетій) Смотрицкій былъ наставникомъ юныхъ сыновей сего Князя, а Ректоромъ былъ Кирилль Лукаръ, на Брестскомъ Соборѣ противодѣйствовавшій водворенію Уніи и возсѣдавшій потомъ на Константинопольскомъ Патріаршемъ престолѣ. Никто не указалъ мнѣ сего, въ то время перваго разсадника учености Южной Руси ²⁹.

Въ послѣднія минуты моего пребыванія въ Острогѣ, я поспѣшилъ къ домику, гдѣ, какъ вообще полагають, была та знаменитая Острожская типографія, въ которой—искусствомъ и трудомъ памятнаго своею судьбою и странствіемъ книгопечатника Ивана Федорова, и заботливостію благочестиваго Константина-Василія,—напечатана была въ 1581 г. въ первый разъ полная Библия, на языкѣ Словенскомъ. Но въ этомъ домикѣ живетъ теперь Еврей и печеть *бублики*... Мнѣ не хотѣлось вѣрить такому униженію святыни; и я спросилъ еще у одного Острожскаго старожила: точно-ли въ этомъ до

микъ была Княжеская типографія?— Съ отрица-
ніемъ онъ покачалъ головою и указалъ мнѣ на
мѣсто, занимаемое теперь въ виду замка Ост-
рожскимъ училищемъ....

В. ДОМБРОВСКІЙ.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я .

.. — Кромеръ, Гваньини, Папроцкій, Нѣсецкій и многіе другіе
родословы выводятъ родъ Князей Острожскихъ отъ племени
Св. Владиміра, и именно отъ Князей Галицкихъ.

Нѣсецкій (въ III т. Короны Польской, стр. 511—523) и
Игнатій Стебельскій, сочинитель Генеалогіи Князей Острож-
скихъ, наиболѣе сообщаютъ намъ подробностей о древнихъ
владѣтеляхъ Острога. Карамзинъ, основываясь на умолчаніи
Вольинской Лѣтописи о Князьяхъ Острожскихъ, по видимому
колебался признать ихъ потомками Князей Галицкихъ; но
согласное генеалогическое показаніе Литовскихъ и Польскихъ
родослововъ, кажется не оставляетъ въ семъ отношеніи со-
мнѣнія. Трудно въ самомъ дѣлѣ согласить съ извѣстіемъ
Вольинскаго Лѣтописца родословный выводъ Польскихъ и Ли-
товскихъ историковъ: все они производятъ Князей Острож-
скихъ отъ Василія, роднаго брата Короля Галицкаго Даниі-
ла; а въ Вольинской Лѣтописи говорится, что у Василія былъ
только одинъ сынъ Владиміръ, умершій бездѣтвымъ. Іосифъ
Яблуповскій, въ своихъ *Tabulae genealogicae Jablupovicanae An-
st.* 1743., даетъ Василію Романовичу сына Даниіла, Даниі-
лу Романа, Роману Василія, Василію Симеона и *Теодора*.
Нѣсецкій напротивъ того говоритъ, что у Василія былъ сынъ
Даниілъ, у Даниіла Василій, у Василія *Теодоръ*. Даниілъ

- Васильевичъ, по утврєнію Нѣсецкаго, первый началъ писать-ся Княземъ *Острожскимъ* и упорно противился Казимиру Великому, Королю Польскому, желавшему покорить Волинскія земли и ввести въ нихъ Католичество. См. Т. III, стр. 511.
- 2.—Кромера кн. XX. Стрыйк. XVI, rozd. IV, V. Длугоша XI: Нѣсецкаго III, 512.
 - 3.—Geneal. XX. Ostrog. стр. 73 и 74.
 - 4.—Тамъ же, стр. 75.
 - 5.—Тамъ же, и стр. 76.
 - 6.—Стрыйковскій говоритъ, что Михаилъ Острожскій былъ старостю Луцкимъ, а сынъ его Романъ убитъ Татарами въ сраженіи подъ Межибожемъ, въ 1516 году.
 - 7.—Gen. XX. Ostrog. 81—87. Simonii Starovolscii Sarmatiæ Bellatores, стр. 95.
 - 8.—Sarm. Bell. 93. Gen. XX. Ostr. 81.
 - 9.—Kog. Pol. III, 514. Gen. XX. Ostr. 88.
 - 10.—Gen. XX. Ostr. 89 и слѣд. См. также у Кальнофойскаго въ Тератургимъ trakt. 1, § 2, стр. 33 и слѣд.
 - 11.—Нѣсецкій сказываетъ, что Константинъ-Василій праздновалъ въ это время бракъ Князя Соломерецкаго съ Бэатою Дольскою; но показаніе Стебельскаго кажется вѣрнѣе. Gen. XX Ostr. 113,—
 - 12.—См. Гвѣздини въ Zbiog Dziejopisow Polskich, стр. 171.—Стрыйковскаго, IV раздѣлъ XXV книги. Kog. Pol. III, 516. Gen. XX Ostr. 113. Исторія Гос. Росс. IX, 51.—Бѣльскій говоритъ, что Константинъ-Василій содѣйствовалъ утверженію Ивана Подковы въ званіи Воеводы или Господаря Волошскаго. Подкова, Гетманъ Запорожскаго войска, былъ братъ Воеводы Ивана. Kronika Polska, стр. 753.
 - 13.—Gen. XX. Ostr., 115.
 - 14.—Склоняя необразованную шляхту и чернь Литовскую къ принятію Униі, Езуиты и вообще ксендзы старались увѣрить

всѣхъ, будто Римскій законъ былъ искони господствующимъ въ Западнорускихъ земляхъ, и будто послѣдователи Греческой Церкви въ Литвѣ были только *podszczyepieńcy od wiary iedności i posłuszeństwa S. Kościoła Rzymskiego.* Они не совѣстились утверждать будто и всѣ Князья Острожскіе были первоначально Католики; будто и самъ Гетманъ Литовскій Константинъ родился Католикомъ; — даже имя ревностнѣйшаго поборника предковскаго Православія Константина-Василія старались они употребить для достиженія своей цѣли, распространяя въ народѣ пущенную Езуитомъ Поссевиномъ молву, будто сей Князь убѣдительно упрашивалъ его ходатайствовать у Папы о соединеніи Западноруской Церкви съ Римскою и часто сносился о томъ съ Поцьемъ !! . . См. Ког. Pol. III, 516. Gen. XX. Ostr. 114, въ примѣчаніи; также Парамовскаго *Facies regum Sarmaticarum*, 1724, lib. 1, с. XV, стр. 287.

15.—Gen. XX. Ostr. 122.—Ког. Pol. III, 517.

16.—Забавно читать—у Езуита Ньсецкаго, Уніата Стебельскаго, ксендза Бенедикта Хмельскаго и другихъ—рассказъ о мнимыхъ тирацкихъ поступкахъ Константина-Василія съ Янушемъ. Они хотѣли представить въ лицѣ Януша идеаль великаго ревнителя Католичества, и сочинили басню о томъ, какъ Константинъ томилъ въ оковахъ своего сына и однажды, въшедши ночью въ его темницу въ Дубенскомъ замкѣ, обнажилъ на спящаго Януша свой мечъ. . . !!! и т. д.

17.—Ког. Pol. III, 319. Хмельскій, *Zbiór krótki Herbow Polskich*, Warsz. 1763.

18.—Константинъ-Василій и Александръ Острожскіе, — вместе съ Князьями Феодоромъ Сангушкомъ, Адамомъ и Михаиломъ Вишневецкими, Георгіемъ Пузшою, Георгіемъ Радзивиломъ и другими, — 1599 г. подписали въ Вильнѣ актъ *первой* конфедераціи, образовавшейся на защиту Православія и угнетенныхъ въ Польшѣ послѣдователей Евангелическаго исповѣданія, которыхъ Католики именовали техническимъ словомъ *«Кецеръ».*

19.—Пять разъ повторенъ былъ Янушемъ актъ ординаціи Острожской, въ 1609, 1614, 1615, 1616 и 1618 году. Въ двухъ пер-

- выхъ актахъ Янушь, въ надеждѣ склонить къ переменѣ религiи, еще не лишалъ сыновей своего брата, Константина и Ивана, правъ наслѣдованiя маіората. Въ одной брошюрѣ 1754 года — *Uwagi w sprawie ordynacyi Ostrogskiej*—говорится, что ни Янушь, ни Рѣчь посполитая, не имѣли права исключать отъ наслѣдія сихъ невнновныхъ Князей, и что Янушь уже третьимъ актомъ своимъ уничтожилъ законность основы своего маіората. Къ числу земель ординатскихъ принадлежало 35 мѣстечекъ и селъ; въ числѣ первыхъ находились Константиновъ, Дубно, Красловъ и другія. См. Коғ. Pol. Т. III, 517. *Opis starożytney Polski* Оомы Свѣцкаго, Т. II, стр. 80.—
- 20.— Нѣсецкiй, Хмѣлевскiй и Стебельскiй говорятъ много въ похвалу Аннѣ и даже приписываютъ ей даръ духовнаго предвидѣнiя.— Къ числу особенныхъ добродѣтелей Анны-Алуизiи Стебельскiй присовокупляетъ и то, что она, оставшись послѣ Гетмана Ходкевича молодою вдовою, пренебрегла не только искательствомъ знатнѣйшихъ магнатовъ Польскихъ, но и любовью Королевича Владислава Жигимонтовича.— Анна была не болѣе 10 мѣсяцевъ въ супружествѣ за Ходкевичемъ, который былъ убитъ подъ Хотимомъ. Gen. XX. Ostr. 137, 146.
- 21.— Тамъ-же, 145.— Коғ. Pol. III, 522.
- 22.— *Uwagi w sprawie ordynacyi Ostrogskiej, 1754 г.* Gen. XX Ostr. 159—164. Неселавскiй, кажется современникъ Александра Владиславича, вычисляя огромныя богатства этого Князя, сообщаетъ любопытное извѣстiе, что, не смотря на весь сокровища, и нечѣмъ и не въ чемъ было предать его тѣло погребенiю. Gen. XX. Ostr. 164.
- 23.— См. *Bulla Papae Pii VI approb. actum genuit. Ordinis Melitensis, 1776*, въ I томѣ *Traktatów, Konwencyi Handl. y Gnanciz etc. za panow. Stanisława Augusta, Warsz. 1791.*— Случи также *Wywod przyczyn gruntownych y Praw Zakonu Kawalerow Maltańskich do ordynacyi Ostrogskiej*; это докладъ, поданный Королю и Сейму Рѣчи посполитой.—
- 24.— Ксендзъ Мюдзявовскiй въ своихъ проповѣдяхъ гонорить, что Константинъ-Васкiй имѣлъ 1,200,000 злотыхъ ежегоднаго

дохода. Ког. Pol. III, 515. — Нѣсецкій присонокупляетъ, что старшимъ слугою и Маршалкомъ своего двора, Князь Константинъ имѣлъ почетнаго Воеводу, который дважды въ годъ долженъ былъ выполнять при немъ свою обязанность и за то получалъ 70 тысячъ злотыхъ юргельта (жалованья). Ког. Pol. III, 515. Число ассистуионныхъ паніонть, т. е. бѣдной шляхты и офиціантовъ или челядинцевъ при дворѣ Константина-Василія простиралось иногда до двухъ тысячъ, но никогда не было менѣе тысячи. Говоря о роскошной жизни Князя Острожскаго, Нѣсецкій оставилъ намъ заимствованное имъ у Патера Ячинскаго описаніе неусыпныхъ подвиговъ и неутомимой дѣятельности храбраго застольнаго наѣздника Богдана-Обѣдалы. «У Константина, говорить онъ, былъ при дворѣ цѣкъ Богданъ. Этотъ человекъ съѣдалъ на закуску жаренаго поросенка, гуся, двухъ каплуновъ, порядочный кусокъ жаркаго, три бухана хлѣба, цѣлый смръ, и выпивалъ при томъ два гарнца меду. Потомъ садился за обѣдъ и, какъ бы ничего не бывало, принимался снова за дѣло: съѣдалъ 10 кусковъ говядины, телятины еще болѣе, баранины и того болѣе; потомъ опять жаренаго поросенка, гуся, каплуна, три сорта жаркаго— изъ говядины, телятины и веприны; меду, вина, водки выпивалъ онъ 4 гарнца; пива— безъ счету; и при всемъ томъ былъ онъ худощавъ, но такъ силенъ, что могъ бы, кажется, хоть съ тридцатью управиться. Нетрезвымъ онъ никогда не бывалъ. После каждой яствы вставалъ онъ отъ стола и похаживалъ, для возбужденія аппетита». Ког. Pol., III, 517.—

25.— *Dzieje w Koronie Polskiej etc. Tukasza Gornickiego, Warsz. 1750; стр. 67—115 и 150—158.*

26.— Въ одной довольно любопытной брошюркѣ— *Nowe Ateny*, которой годъ и мѣсто изданія не означены— сказано, что «ради необыкновеннаго упорства въ схизмѣ священники Богоявленскаго храма преданы были проклятiю и изгнанiю, а церковь оставлена совамъ и воробьямъ въ жилище». (!)

27.— *Gen. XX Ostr. 139—142. Ког. Pol., III, 522.*

28. — Лаврентій Древинскій, Чашникъ и Депутатъ Волини на Сеймъ Варшавскомъ 1620 года, говоря въ присутствіи Сенаторовъ и пословъ Польскихъ и Литовскихъ Королю Жигимовту III-му рѣчь, въ которой трогательно изобразилъ гоненія въ Польшѣ и Литвѣ на Грековосточную Церковь, между прочимъ такъ отзывается о Почаповскомъ: «Да и нынѣ, въ противность правамъ и вольностямъ вашимъ, данъ намъ въ Луцкѣ инокъ Почаповскій, который хотя и шляхетскоѣ породы, но по лѣтамъ своимъ не только не достоинъ такого (Епископскаго) сана, но даже и діаконскаго, не говоря уже о священствѣ. Называть его *отцемъ* мы не можемъ, ибо онъ и двадцати лѣтъ еще не имѣеть. Все же неустройство сіе происходитъ отъ того, что не отъ законнаго Пастыря посвященіе приѣмлютъ. Они отступили отъ Патріарха Ковстантинопольскаго, которому искони въ семь Государствъ Вашего Королевскаго Величества власть сія принадлежала» и проч. См. Историческое Извѣстіе объ Уніи М. 1805, стр. 169.

29. — Gen. XX Ostr, 111 и 112-
